

гося сюда мотива моральнаго, приносящаго довольно фальшиво звучащіе здѣсь императивы и долженствованія, связывающіе волю и понуждающіе ее къ добру и любви къ людямъ.

Нужно вспомнить жизнь въ ту эпоху молодого, крѣпкаго и сильнаго какъ дубъ Толстого въ глухой кавказской станицѣ, гдѣ онъ уходилъ охотиться на медвѣдя, скитался съ ножомъ и винтовкой по чащамъ и горнымъ тропинкамъ, и жилъ полудикой, полуживотной жизнью со своимъ пріятелемъ казакомъ Ерошкой. Правда міра, какъ онъ есть здѣсь на горахъ, съ ихъ тучной растительностью, первобытной силой камней, и деревьевъ, и звѣрей, и звѣре-подобныхъ, веселыхъ, простодушныхъ и жестокихъ людей, столкнулась съ правдой иной, правдой, насилующей жизнь и мучающей душу человѣка. И нужно признаться, «Казаки» являются единственнымъ произведеніемъ Толстого, въ которомъ вѣчный мотивъ Богоисканія и подчиненія себя Богу почти заглушенъ могучей силой мотива стихійнаго жизнеощущенія. Но художникъ заставляетъ насильно звучать мотивъ моральный и все же вводитъ его, покоряясь силѣ внутренняго понужденія.

Вся исторія его педагогическихъ увлеченій и сущность его теоріи воспитательной сводятся къ тому же служенію моральной